

17.01.1993

Джума Ахуба — абхазский писатель, редактор литературно-художественного журнала.

3 декабря 1992 года я отправился на вертолете в свой родной Очамчирский район, где у меня находятся мать и братья. Добрался я до села Атара-Абхазская, побыл 2-3 дня у родителей. Как писатель, хотел побывать и в других селах, чтобы написать об этой войне. Поэтому 6 декабря добрался до с.Кутол и двигался в сторону с.Лабра. В эти дни я познакомился с удивительной девушкой, Камой Ласурия. Её отца растерзала толпа грузин в Сухуми в 1989 году, во время межэтнических столкновений. После начала агрессии войск Госсовета Грузии в Абхазии она стала санитаркой. Но увидев зверства грузинских гвардейцев, взяла в руки автомат и стала мстить за своих близких.

Я находился в армянском селе Лабра, в доме у пожилой женщины, когда село окружили грузинские гвардейцы с автоматами. Они ударили меня прикладом по голове, свалили на землю, ограбили / в кармане у меня были деньги/. Кроме меня, они взяли в плен несколько абхазов и на тракторах доставили нас в штаб, в административном здании в г.Очамчира. На этих же тракторах они вывозили награбленное — имущество крестьян, в том числе и большой баллон со спиртом, который в дороге разбился.

В штабе нас начали допрашивать, избивали. От меня настойчиво требовали, чтобы я сказал, что Ардзинба — фашист и добивались ещё более невероятных обвинений в его адрес. Когда я категорически отказался говорить заведомую ложь, они ударили меня по голове автоматом так, что полилась кровь.

Первые 6 суток меня и других пленных держали в самой плохой камере в здании отдела внутренних дел г.Очамчира. Это был карцер — голые нары, постоянно текла вода, туалет в камере, ни умывальника, никакой информации. Страшная вонь и грязь, невозможность умыться действовали сильнее, чем холод и голод. Не было никаких одеял и мы вынуждены были вчетвером сидеть на нарах, прижавшись друг к другу. Первые трое суток давали только воду. На просьбы дать газеты или книги, отказывались.

На седьмые сутки перевели в более приличную камеру-одиночку, где были одеяло и матрас. В день стали давать по 200 г. хлеба. Но было тяжелее, чем раньше из-за отсутствия всякого общения. Там я провел ещё 5 суток.

На восемнадцатые сутки, в 9 часов вечера, вывели на улицу в сопровождении четырех автоматчиков, руки заставили держать за головой. Шел мокрый снег. Привели меня в штаб, вновь обыскали. Завели в комнату, где сидели Джаба Иоселиани и Бичико Барамидзе. Начали задавать вопросы о литературе, искусстве. Спросили меня, знаю ли я Лашу Табукашвили, на что я ответил, что знаю, он — грузинский драматург и писатель. Дж. Иоселиани сказал, что он просил за меня, но предупредил, что меня обменивать не собираются.

Дж. Иоселиани спрашивал меня, в чем я вижу выход из ситуации. Я сказал, что необходимо вывести войска и начать диалог. Но на это Иоселиани возразил: Председатель ВС Абхазии Ардзинба и весь ВС должны уйти. Пройдут новые, демократические выборы, в результате которых в новом парламенте Грузии, естественно, будет больше, но мы не собираемся ущемлять права абхазов.

Во время разговора на лице его постоянно сохранялась какая-то циничная ухмылка.

В один из дней состоялась моя встреча с некоей журналисткой с грузинского ТВ. Мне показалось, что она назвалась Любовью Михайловной Мухранели. Я узнал, что она известна под кличкой /прокурор". Это — та самая журналистка, которую показывали по ТВ "Останкино", в передаче "Новая студия" в тот момент, когда она чрезвычайно грубо и агрессивно допрашивала русского добровольца, пришедшего воевать в Абхазию и попавшего в плен к грузинам. Участники передачи были буквально шокированы её манерой поведения, совершенно неприемлемой для журналиста — угрозы, оскорбления и другие способы психологического воздействия.

Л. Мухранели предложила выступить по ТВ Грузии, на что я согласился, надеясь хоть таким способом дать знать своим близким, что я жив. Вела себя Мухранели очень грубо, стараясь унижить меня. Заявила, что я бездарный писатель, ограниченный человек и т.д.

Я обратился к абхазам и грузинам с призывом найти пути мирного решения проблемы. Она потребовала признать, что абхазы — не аборигены Абхазии, а переселенцы с Северного Кавказа. Пыталась доказать, что у абхазов нет своей национальной архитектуры. Когда я называл Моквский и Пицундский соборы, Драндский храм и др. памятники абхазской христианской культуры, она возмущалась. В конце беседы заявила, что все это в эфир не пойдет, так как никакой Республики Абхазия не существует и не будет существовать.

30-го вечером меня вновь привели в штаб к Дж.Иоселиани и он заявил, что я освобожден и поздравил меня с Новым Годом.

31-го местная очамчирская полиция провела меня с завязанными глазами через грузинские позиции и я оказался в абхазском селе Поквеш.

Особенно большая утрата, которую я понес — потеря рукописей зарубежных абхазских поэтов и писателей. Их мне жаль даже больше, чем мой личный архив, незаконченный роман, сожженные рукописи — все, что я потерял, когда грузинские гвардейцы пришли грабить мой дом.

17.01.93 г.